

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-463-471
УДК 811

Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода

Байрта Николаевна АРИНОВА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>, e-mail: b.arinova@yandex.ru

Linguistic aspects of UK written judicial discourse: formal and substantive approach justification

Bayrta N. ARINOVA

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>, e-mail: b.arinova@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – обосновать комплексный подход к изучению лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании, описав его особенности с точки зрения профессиональной коммуникации и социальной практики. В частности, проведён последовательный анализ факторов, сыгравших основополагающую роль в формировании письменного судебного дискурса – формальной структуры правового дискурса и формального содержания (источников) судебного дискурса. Источники (тексты предыдущих решений и тексты законодательных актов) превращают тексты судебных решений в многослойное повествование, в котором можно наблюдать различные процессы: юридическое толкование, реконтекстуализацию обыденного в профессиональном юридическом пространстве, номинацию фактов и действий в соответствии с правовыми реалиями и т. д. Эти и другие особенности приносят динамику в юридический профессиональный дискурс, который зачастую рассматривается как статичный и сугубо консервативный. Понимание природы и соотношения этих составляющих, по мнению автора, имеет большое значение для анализа лингвистических особенностей письменного судебного дискурса. На основе проведённого анализа выделены основные характеристики письменного судебного дискурса англо-саксонской системы и определены рамки дальнейшего изучения его лингвистических особенностей. С точки зрения автора исследование феномена профессионального дискурса носит междисциплинарный характер, в частности, изучение письменного судебного дискурса опирается на позиции социологов, лингвистов, философов и правоведов. Использованы методы синтеза, описания, а также сопоставительный и контекстуальный методы. Теоретическая значимость исследования состоит в развитии комплексного подхода к изучению профессионального дискурса как средства актуализации определенной социальной практики.

Ключевые слова: письменный судебный дискурс; англо-саксонское право; текстологический процесс; динамичность дискурса; толкование; реконтекстуализация; жанр юридического дискурса

Для цитирования: *Аринова Б.Н.* Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 463-471. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-463-471

Abstract. The aim of the work is to present a comprehensive approach to the study of linguistic features of the UK written judicial discourse, describe its features in terms of professional communication and social practice. We give a consistent analysis of the major factors which scaffold judicial discourse as a whole – the formal structure of the legal discourse and the formal content

(textual sources) of judicial discourse. We believe the legal sources (texts of previous decisions and texts of legislative acts) contribute to the multi-faceted nature of the judicial legal discourse in which we can observe various processes: legal interpretation, recontextualization of ordinary facts in the professional legal field, statutory treatment and nominalization of facts and deeds etc. These and other characteristics created the dynamic nature of judicial discourse which is commonly seen as a static relic. Proper analysis and understanding of the formal structure of the legal discourse and its formal content (textual sources) bears major importance when addressing the analysis of linguistic features of written judicial discourse. Based on the analysis, the main characteristics of the written judicial discourse of Anglo-Saxon system are identified and the framework for further study of its linguistic features is determined. From our point of view, the study of the phenomenon of professional discourse is interdisciplinary in nature, in particular, the study of written judicial discourse is based on the positions of sociologists, linguists, philosophers and legal scholars. We use description and synthesis methods, as well as comparative and contextual methods. The theoretical significance of the study lies in the development of the comprehensive approach to the linguistic analysis of professional discourses as a means of actualizing a certain social practice.

Keywords: written judicial discourse; Anglo-Saxon law; textualization; dynamic discourse; interpretation; recontextualization; genre of legal discourse

For citation: Arinova B.N. Izucheniye lingvisticheskikh osobennostey pis'mennogo sudebnogo diskursa Velikobritanii: formal'noye i sodержatel'noye obosnovaniye podkhoda [Linguistic aspects of UK written judicial discourse: formal and substantive approach justification]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 463-471. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-463-471 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Исследования в области профессионального дискурса имеют множество граней, включая риторические и стилистические особенности, терминологическое варьирование, семантику терминов, становление терминологии и т. д. Интерес к этой сфере обусловлен широким коммуникативным диапазоном, то есть неограниченным количеством бытовых ситуаций, которые имеют потенциал для юридического дискурса (могут быть отражены в нём); также этот интерес связан со спецификой терминов как лексических единиц и их функционирования в профессиональном контексте.

В данной работе мы попытаемся раскрыть некоторые особенности судебного дискурса англо-саксонской системы для того, чтобы обосновать подход к изучению лингвистических особенностей этого дискурса. Исходной характеристикой этого дискурса, по нашему мнению, является динамичность; как следствие, судебный дискурс представляет собой особый текстологический процесс, понимание которого важно для выработки комплексного подхода к изучению лингвистических особенностей этого дискурса. Нами будут рассмотрены, в частности, особенности структуры и функционирования этого дискурса, влияние этих особенностей на содержание и языковое оформление юри-

дических текстов, а также жанровые особенности судебного дискурса. Термин дискурс в данном обзоре понимается как в широком, так и в узком смысле – это коммуникация как социальная практика, а также текст как один из промежуточных результатов коммуникации и процесса познания [1, p. 20].

Изучение любого профессионального дискурса будет неполным без рассмотрения определённой социальной практики, которая порождает свой дискурс. Несмотря на то, что правовая сфера существует в виде строгого канона, её трудно назвать застывшей и статичной, так как данная сфера постоянно «расшатывается» её участниками (юристами, правоведами и другими субъектами права). Так, например, в недавнем решении апелляционный суд Великобритании сделал замечание адвокатам, которые не в полной мере выполнили требования правил цитирования прецедентов¹. Недовольство судьи было связано с тем, что адвокаты не указали конкретные параграфы в решении, на которые ссылались, вместо этого представив полный текст решения. Данный пример демонстрирует не только буквализм в процедуре, свой-

¹ [Citation of authorities: ignore the practice direction at your peril]. (2019). URL: <https://www.iclr.co.uk/blog/legal-profession/citation-of-authorities-ignore-the-practice-direction-at-your-peril/> (accessed: 10.02.2020).

ственный судебной практике, но и особенность юридической сферы как одной из социальных практик. Действуя в контексте уже сложившейся области знаний, судьи интерпретируют и адаптируют ранее написанные юридические тексты, специфика которых не раз обсуждалась философами, социологами, лингвистами и правоведами. Письменную форму, в которой сейчас преимущественно существует и развивается данная сфера, можно рассматривать не только как своего рода символ закрепления власти, но и как признак «подвижности» юридического дискурса – его интерпретации, реконтекстуализации и адаптации. Такая ситуация характерна для большинства развитых правовых систем.

Как справедливо отмечает П. Бурдье, эта сфера имеет строгую организацию, все её участники выполняют чётко определенные функции. Взаимоотношения между участниками (как взаимодействие, так и противостояние) приводят к установлению стратегий поведения и норм, которые могут символизировать общее понимание события или ситуации (в определённый период времени) или попытки достичь понимания одной и той же ситуации. Судьи в данной системе, с одной стороны, транслируют значимость («являются частью ритуала») процесса, с другой, – судьи, вынося решение, формулируют и декларируют новую значимость, придавая формальный статус действиям участников, и создают новые высказывания (*declarations*), обладающие значением и силой: «Судебное решение, в большей степени зависящее от этических диспозиций агентов, чем от чистых норм права, приобретает статус вердикта благодаря рационализации, придающей ему символическую эффективность, которой обладает всякое действие в действительности произвольное, но признанное легитимным» [2, с. 91].

Обыденная реальность адаптируется в юридическом поле, которое «преобразует доюридические интересы агентов в судебные дела и превращает в капитал компетенцию, дающую контроль над юридическими ресурсами, требуемыми логикой поля» [2, с. 99]. Такое описание хорошо демонстрирует не только связь обыденной реальности и сферы специальных знаний, но и объясняет также процесс коммуникативной трансформации:

высказывания и описание фактов получают новое представление, языковое обрамление в контексте юридического дискурса.

Англо-саксонский юридический дискурс представляет особый интерес именно потому, что в нём допускается (хоть и не очевидно) то, что в юридических терминах можно назвать *свободой усмотрения*, которая даёт судьям возможность высказывать своё мнение относительно юридических вопросов; это исключает возможность полной воспроизводимости юридических правил в каждом последующем судебном решении. Когда же участники правовой системы помещают факты или ситуации в контекст ранее сложившейся практики, они таким образом получают возможность актуализировать разные аспекты одного и того же прецедента. Такая практика также демонстрирует преемственность и неразрывность дискурса англо-саксонской системы права, где переплетаются не только положения законов, но и заключения судей, взятые из ранее принятых решений. С точки зрения лингвиста такая непрерывность представляет интерес, потому что прецедент в отдельности – это комплексный текст (исторически и концептуально), неотделимый от других текстов схожих, но не идентичных. Сформулированное решение – это также и результат лингвистических «манипуляций», имеющий много аспектов.

Известный исследователь языка права Питер Тирсма, описывая историю языка англо-саксонского права, говорит о первоначальном различии между законодательством *lex scripta* и прецедентным правом *lex non scripta*, или письменным законом и законом, не имеющим письменной формы. С развитием и совершенствованием права устная традиция приобрела более формальный письменный статус, такое изменение П. Тирсма называет текстуализацией (*textualizaiton*) [3, р. 192]. В контексте становления правовой системы этот процесс привёл к тому, что прецеденты получили статус источника права. Переход к письменной форме привёл к «автономизации» юридической сферы, в которой уже тексты играют роль границы между «комментаторами и реальностью». «Письмо стало предпосылкой генерализирующего комментария, в котором формируются универсальные правила или принципы»

[2, с. 112-113], иными словами, письменную форму юридических текстов можно считать символом авторитетности, результатом процесса познания и накопления знаний, дискурсом *per se*.

Такой ход развития создал дополнительное требование к участникам юридического дискурса, а именно – пристального чтения более ранних юридических текстов [3, р. 193]. Как следствие, пишет П. Тирсма, меняется восприятие текстов и характер их прочтения: то, что закреплено в письменной форме, становится предписанием, то есть практически приравнивается к закону, вследствие этого возникает обязательство цитировать его, ссылаться на него. Другой исследователь языка права, Лоуренс Солан, продолжая мысль П. Тирсмы, пишет, что примером текстуализации можно считать и письменный процесс толкования и анализа необходимых юридических текстов. Судьи могут уточнять, комментировать, анализировать определения и связанные с ними утверждения, таким образом, меняя содержание, а следовательно, и значение юридических понятий и конструкций [3, р. 200]. В связи с этими функциями судей П. Бурдые, описывая их «автономию», пишет о том, что «приговоры, вдохновлённые той же логикой и ценностями, что и толкуемые ими тексты, имеют функцию настоящего изобретения» [2, с. 99].

Другими словами, прецедент как один из основных письменных правовых текстов имеет двойственную природу – это текст и текстологический процесс одновременно. Интересно, что в юридическом пространстве последнее (то есть процесс) проявляется в двух лингвистических операциях: “interpretation” и “construction”. Обе лексемы переводятся на русский язык как «толкование», однако многие исследователи языка права настаивают на концептуальном различии, несмотря на синонимичность этих лексем и один и тот же переводческий эквивалент в русском языке. Если первое подразумевает установление смысла, то второе относится к суждению о значении, которое можно вывести не только из текста, но и из элементов вне его [3, р. 204]. Однако для участников юридического поля толкование как процесс имеет мало общего с речью и коммуникацией. Известные юристы Р. Дворкин, А. Скалиа настаи-

вают на том, что процесс юридического толкования представляет собой довольно ограниченную сферу судейской работы – такая работа прежде всего проводится органами законодательной власти. Другие, хотя и допускают, что роль лингвистических принципов анализа в процессе толкования не маленькая, подчёркивают, что толкование имеет максимально абстрактный характер [4, р. 260]. Для участников юридического поля это не более чем техническое требование, выполнение которого гарантирует существование системы юридического дискурса. С другой стороны, это и часть процесса систематизации знаний об этой сфере. В теории научного познания «процесс понятийного определения конкретного содержания происходит одновременно с процессом его фиксации каким-либо характерным знаком» и «через языковой символ прежде всего осуществляется идентификация и конкретизация предметов или явлений внеязыковой действительности <...>. Экономная форма конвенционального языкового знака выступает как средство их объективизации» [5, с. 8-13]. Большую роль в процессе понятийного определения языка играет абстрагирующая способность языка, которая находит отражение в терминологиях. Иными словами, внутри профессионального дискурса его элементы проходят время от времени проверку и перепроверку в зависимости от рассматриваемых фактов и соответствующих норм права.

П. Бурдые, говоря о формировании дискурса в профессиональной сфере, видит в этом объяснение стремления к обособлению и закрытости юридического дискурса. Термины и особенности синтаксиса, по его мнению, служат знаками отличия и в то же время символизируют средства актуализации, то есть они необходимы участникам, если они должны совершать определенные действия в рамках юридического поля.

Двойственная природа юридического дискурса проявляется в том, что единицам языка, которые становятся терминами, присваивается новое осмысление и, следовательно, «ценность», что приводит к «отрицанию», «отказу» от первоначального значения этой единицы языка. Становление терминологии не только приводит в порядок систему, но и «скрадывает» некоторые смыслы и эле-

менты вследствие необходимости соблюдать требования формы и жанра. “The role of this kind of expression is to mask the primitive experiences of the social world and the social phantasms which are its source as much as to reveal them; to allow them to speak, while using a mode of expression which suggests that they are not being said” [6, p. 143]. Дискурс и всё, что с ним связано, – это способ одновременно скрыть и выразить, однако создатели дискурса не обладают полной свободой выражения из-за требований формы. Обыденная реальность имеет специфическую репрезентацию, не может оставаться обыденной – помещается в рамки и проходит процессы дробления, толкования и номинации.

В связи с этим можно привести пример из налогового права Великобритании – существует тонкая грань между понятиями об уклонении от уплаты налогов и налоговой оптимизацией (tax evasion and tax avoidance соответственно), и трудности, с которыми сталкиваются судьи и налогоплательщики, связаны, с одной стороны, с широким спектром действий и решений, которые могут быть включены в содержание этих понятий, а с другой стороны, с необходимостью чётко определять сами действия налогоплательщика, их реальные и возможные последствия (например, незаконное снижение налоговой нагрузки) и соотносить с ними то, что было установлено волей законодателя. Это пример того, когда правовой дискурс (нормы налогового права) очень опосредованно отражает реальность, скорее реальные действия получают новую репрезентацию и оценку в зависимости от наступивших последствий. В случае разбирательств по налоговым вопросам судьи выполняют двойную задачу – выносят суждение о воле, интенции законодателя (толкование норм) и об истинных интенциях налогоплательщика (в соответствии с положениями закона и судебной практикой).

«Право – наивысшая форма активного дискурса, обладающего властью вызывать реальные последствия», – пишет П. Бурдые [2, с. 104].

Подытоживая этот раздел, нужно еще раз отметить, что юридический дискурс понимается нами как социальное явление, внутри которого сформировалась очень специфическая коммуникативная практика, пре-

имущественно отражённая в письменных текстах. Несмотря на жёсткие требования к форме, дискурс как отражение обыденной реальности даёт новую репрезентацию события или действию – помещая то или иное событие в систему уже сформировавшихся знаний и канонов. Судебный дискурс – это всегда последовательность текстов, в которых могут повторяться события, но могут различаться их репрезентация и трактовка в законодательстве и, следовательно, их судебное толкование. Судебное решение – по сути высказывание, это особый жанр юридического дискурса.

Рассмотрим подробнее жанр как элемент дискурса.

Принимая во внимание то, что юридический дискурс – довольно обширное поле, его участники со временем конструируют жанры с характерными [7, с. 99-100] риторическими установками, сменяющие друг друга в зависимости от речевой ситуации. В жанр, как правило, объединяются высказывания, тексты, имеющие общие коммуникативные цели, риторические установки, форму, участников [1, p. 59]. В. Батиа также указывает на невозможность полного обособления одного отдельного жанра ввиду того, что даже в рамках одного и того же жанра участники коммуникации могут переключиться на другой жанр, изменить коммуникативное намерение и т. д. Вероятность таких изменений более высока в условиях устной коммуникации, тогда как письменные тексты будут скорее подчиняться строгим формальным требованиям, тем самым создавая эффект нейтрализации и универсализации, о которых пишет П. Бурдые. Юридический язык опирается на ряд лингвистических приёмов (безличные обороты, устойчивые обороты, неопределённые местоимения), которые «призваны выразить вневременной и всеобщий характер закона» [2, с. 82-83, 111-114].

Однако большая часть учёных (Berkenkotter, Huckin, Swales, Candlin) соглашается с тем, что жанрам присуща динамика; в связи с этим В. Батиа использует термин “genre colony”, обозначающий определённый набор жанров со схожими (не в полном объёме) коммуникативными функциями и общим риторическим посылом или

«речевым замыслом» [8]. Другими словами, «речевой замысел» и общие коммуникативные функции являются основаниями для выделения групп жанров (“genre colonies”). В связи с этим в одну группу жанров можно объединить ходатайство, иск, уведомление и возражение.

В статье М.М. Бахтина проблема жанровой классификации представлена в контексте общей лингвистики, то есть в контексте изучения таких явлений, как речь, функциональный стиль, единица речи и т. п. М.М. Бахтин уходит от более локального понятия жанр, помещая это явление в контекст парадигмы язык–речь [8]. Такая постановка вопроса заведомо ставит проблему в определённый континуум, в определённое социальное поле и процесс познания и деятельности. Так, К. Беркенкоттер (C. Berkenkotter) и Т. Хакин (T.N. Huckin) в то же время пишут о том, что жанры – это двойственные структуры: «это одновременно и внешнее проявление и отраженный опыт субъекта, оба находясь в тесной взаимосвязи» [9, р. 494]. Таким образом, субъекты не только выбирают соответствующие стратегии речи и поведения, но и сами воспроизводят ту или иную ситуацию в новом виде, избегая буквального повторения или копирования. На основе вышесказанного можно предположить, что жанр – это репрезентация опыта; результат когнитивной деятельности, выраженный вербально.

Что это значит для юридического дискурса и судебного дискурса в частности? С одной стороны, жанр – это столкновение обыденного опыта и профессионального, в жанрах доминирует форма, она подчиняет себе содержание. С другой стороны, жанр – это тип высказывания с определённой коммуникативной задачей; при этом несколько жанров могут иметь разные коммуникативные задачи, но будут объединены одним и тем же событием. В пример можно привести различные юридические документы, относящиеся к одному и тому же юридическому спору.

Принимая судебное решение и связанный с ним жанр судебного отчёта за высказывание с комплексной структурой, нельзя не остановиться на логико-семантических особенностях синтаксиса судебного дискур-

са. Тот факт, что каждый новый текст этого жанра всегда соотносится с предыдущими текстами, накладывает значительный отпечаток на синтаксис судебных решений – в основном это сложные предложения, смысл которых создаётся с помощью определённого набора грамматических конструкций и, безусловно, специальной лексики. Большую роль в осмыслении лингвистических особенностей судебного дискурса играет контекст, образуемый ссылками на источники права, и в частности выстраивание логической последовательности, которая становится основой прецедента. В то же время, поскольку в прецедентах обсуждаются как факты, так и их трактовка в законодательстве, мы не можем свести описание языка прецедентного права к набору абстрактных логических суждений [3, р. 203]. Другими словами, осмысление текстов судебных решений может включать в себя различные подходы.

Как отмечалось выше, П. Бурдые считал, что специфика грамматики и синтаксиса юридического дискурса имеет особый символический эффект «нейтрализации» (преобладание пассивных конструкций и безличных оборотов) и «универсализации» (применение лапидарных формул и устойчивых выражений, ссылка на транссубъективные ценности). Оба эффекта необходимы для осуществления рационализации или поддержания «юридического духа» [2, с. 82-83, 111-114]. Сложный синтаксис – это, безусловно, анахронизм многовековой традиции юридического письма. Тем не менее эта особенность создаёт эффект *рекурсивности*, который заключается в выстраивании сложной цепочки событий (прошлых, настоящих и возможных) в одном предложении. Данный эффект может быть явно выраженным: как известно, в традиции юридического дискурса существует строгая и логичная система цитирования (The Bluebook: a uniform system of citation). Это, с одной стороны, подтверждает точность вывода судьи; с другой стороны, это своего рода гарантия четкой систематизации юридических текстов в контексте судебных решений. В приведённом далее примере эффект рекурсивности достигается с помощью грамматико-синтаксических средств, которые отсылают читателя к прошлому решению (“The authorities show that...”), и в то

же время эти средства создают определённую рамку, через которую оцениваются факты анализируемого дела (придаточное с условно-следственными отношениями), то есть событие рассматривается в двух планах: план прошедшего и ирреального-настоящего.

*“The authorities showed clearly that, if before the claimant had learnt that **his venture** with the defendant could not be carried out because none of the expected insider information would be forthcoming, he had repudiated and withdrawn from **the agreement**, he would have been entitled to sue for and recover his £620,000 even though in order to do so he would have had to plead **the illegal arrangement** under which he had paid it over”².*

С точки зрения синтаксического оформления данный отрывок имеет комплексную структуру: это сложноподчинённое предложение с большим количеством придаточных – придаточным условия (“if before...”), придаточным дополнения (“showed that...”), придаточным причины (“because...”), придаточным цели (“in order to do so...”). Другими словами, сложный синтаксис позволяет поиному *вербализовать* саму анализируемую ситуацию, что в свою очередь может привести к лексическому варьированию разной степени. В частности, в рассматриваемом примере описание ситуации позволило продемонстрировать возможности сочетаемости юридических терминов. В приведённом выше примере приводятся базовые сочетания термина *agreement* (*to carry out / to repudiate / to withdraw from / to plead ...illegal*). Сложные синтаксические конструкции – это также один из способов расширять терминологическое поле в тексте, которое описывает основные юридические понятия. Эта особенность синтаксиса судебного дискурса напрямую соотносится с теорией логико-семантической референции, в рамках которой методом «семантического анализа является толкование лексических единиц и синтаксических конструкций с разной степенью сложности» [10, с. 18]. Учитывая социальные и функциональные особенности юридического дискурса (обособленность сферы и специфи-

ка знаний), можно предположить, что в построении смысла юридических текстов и решений суда в частности большую роль играют презумпции и следствия. Также стоит отметить, что значительная часть презумпций содержится в терминах и специальной лексике, но для полного осмысления текстов судебных решений недостаточно знать значения терминов, так как они представляют собой лишь часть смысла всего высказывания. Анализ презумпций и следствий высказываний заставляет обратиться к истинности и ложности суждений как смысловых компонентов предложений, а также возможно допущение аномалий, когда осмысление происходит за счёт разрушения нормальной ситуации [10, с. 53]. Другими словами, осмысление всего текста зависит как от понимания значения терминов, так и от понимания соотношения эксплицитной и имплицитной информации. Рассмотрим следующий пример из устава компании:

“The company may from time to time by ordinary resolution increase the share capital by such sum, to be divided into shares of such amount as the resolution shall prescribe”. (Section H. Alteration of capital)

На первый взгляд, это бесхитрое с точки зрения структуры, длины, ключевых понятий предложение вызывает много трудностей при осмыслении и попытке перевода. В данном случае *подразумеваемая* часть смысла данного утверждения относится к взаимосвязи между полномочиями акционеров, правилами выпуска акций, их номинальной стоимости, правилами увеличения уставного капитала и соответствующих решений компании и устава. Несмотря на относительно высокую прозрачность терминов, осмысление данного высказывания зависит от понимания *многоуровневых* понятийных связей между терминами, полный смысл которых остаётся нераскрытым как в оригинальной версии, так и в переводе.

Перевод: *«Общество может в любое время путём решения, принятого простым большинством голосов акционеров, увеличить уставный капитал на такую сумму, представляющую собой совокупность такого количества акций, как будет определено в решении».* (Раздел H. Изменение размера капитала)

² [Right to recover money on failure of illegal scheme]. (2014). URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/right-to-recover-money-on-failure-of-illegal-scheme-lcbhj835svm> (accessed: 10.02.2020).

В других случаях осмысление высказывания зависит не от понимания терминов, а от их окружения и фактивного компонента высказывания. Как отмечал Виконт Симмондс в деле *Attorney general v. Prince Ernest Augustus of Hanover* [1957], «слова и, особенно, общеупотребительные слова нельзя рассматривать по отдельности, свои оттенки и содержание они получают в контексте»³ [11, р. 265], из чего можно заключить, что точное определение контекста является важным элементом процесса толкования.

Так как толкованию подлежит не только текст закона, но и факты, буквальное толкование не всегда приводит к разумному – с точки зрения здравого смысла – решению споров. К примеру, в деле *Ruther v Harris* [1876]⁴ возник вопрос об изъятии (*forfeiture*) морских сетей рыбаков, которые собирались ловить рыбу, несмотря на то, что в то время действовал закон, запрещающий ловлю лосося с использованием сетей [11, р. 267]. После ареста рыбаков были также конфискованы их сети, так как закон предписывал «изъять рыбу... и сети... использовавшиеся для целей...» (“all fish taken... and any net... used... in taking the same...”). Однако в ходе разбирательства возник вопрос, можно ли было конфисковать сети, если рыбаки лишь собирались заняться ловлей. В своём решении суд признал, что текст закона был довольно неопределённым и, возможно, замена местоимения *any* на определённый артикль *the* внесла бы большую ясность. В данном примере, с одной стороны, действие, подра-

зумеваемое в содержании термина *forfeiture*, могло наступить (или не наступить) в зависимости от намерений участников (фактивный компонент); с другой стороны, потребовалось уточнение формулировки закона, чтобы избежать аналогичных дилемм в похожих делах. Репрезентация и роль терминов в тексте решений лишены однообразия. Являясь элементами юридического (судебного) дискурса, термины не просто передают специальные знания, но и участвуют в формировании целых суждений. Термины могут быть как объектами исследования для судей, так и средствами построения сложных по структуре суждений.

Изучение и осмысление судебного дискурса будет всегда выходить за рамки анализируемого текста в силу специфики юридического поля, особенностей специальной лексики и необходимости соотносить явления обыденной реальности и её репрезентации в судебном дискурсе. Последнее особенно интересно проявляется в текстах судебных решений и отчетов. Как уже отмечалось, прецедентное право называют текстологическим процессом, поэтому нам представляется целесообразным диахронический анализ судебного дискурса (на примере судебных отчетов, относящихся к одному и тому же прецеденту). Такой подход поможет выявить особенности процесса реконтекстуализации в юридическом поле, установить закономерности лексико-синтаксической репрезентации фактов и ситуаций в юридическом контексте, проанализировать процессы номинации и референции и их изменчивость (динамику) в зависимости от уровня решения (инстанции), а также проанализировать терминологическое варьирование при юридической «интерпретации» фактов рассматриваемого дела.

Список литературы

1. *Bhatia V.* Worlds of written discourse. A genre based view. N. Y.: Continuum, 2004.
2. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2005.
3. *Speaking of Language and Law* / ed. by L. Solan. Oxford: Oxford University Press, 2015.
4. *Language and Law. Vol. 15* / ed. by M. Freeman. Oxford: Oxford University Press, 2013.
5. *Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина. М.: МГУ, 2000.
6. *Bourdieu P.* Language and symbolic power. Cambridge: Harvard University Press, 1994.
7. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: URSS, 2012.

8. *Bakhtin M.M.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
9. *Berkenkotter C., Huckin T.N.* Genre knowledge in disciplinary communication: Cognition/culture/power. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995.
10. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
11. *McLeod I.* Legal Method. 7th ed. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2009.

References

1. Bhatia V. *Worlds of written discourse. A genre based view.* New York, Continuum, 2004.
2. Burdye P. *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg, Alethea Publ., 2005. (In Russian).
3. Solan L. (ed.). *Speaking of Language and Law.* Oxford, Oxford University Press, 2015.
4. Freeman M. (ed.). *Language and Law.* Vol. 15. Oxford, Oxford University Press, 2013.
5. Volodina M.N. *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina* [Cognitive and Informational Nature of the Term]. Moscow, Moscow State University Publ., 2000. (In Russian).
6. Bourdieu P. *Language and symbolic power.* Cambridge, Harvard University Press, 1994.
7. Kubryakova E.S. *Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti* [Nominative Aspect of Speech Activity]. Moscow, Editorial URSS, 2012. (In Russian).
8. Bakhtin M.M. *Eestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. (In Russian).
9. Berkenkotter C., Huckin T.N. *Genre knowledge in disciplinary communication: Cognition/culture/power.* Hillsdale, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, 1995.
10. Paducheva E.V. *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* [The Statement and its Relation to Reality]. Moscow, LKI Publ., 2010. (In Russian).
11. McLeod I. *Legal Method.* 7th ed. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2009.

Информация об авторе

Аринова Байрта Николаевна, соискатель, кафедра английского языкознания Филологического факультета, старший преподаватель кафедры иностранных языков Юридического факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: b.arinova@yandex.ru

Вклад в статью: идея, концепция, анализ литературы, поиск и анализ литературы, написание текста статьи, оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>

Поступила в редакцию 16.03.2020 г.

Поступила после рецензирования 18.05.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Bayrta N. Arinova, Competitor, English Linguistics Department of Philology Faculty, Senior Lecturer of Foreign Languages Department of Law Faculty. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: b.arinova@yandex.ru

Contribution: idea, conception, literature analysis, literature search and analysis, manuscript text drafting, manuscript design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>

Received 16 March 2020

Reviewed 18 May 2020

Accepted for press 26 June 2020